

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ» [СЭ, 1987, № 3] *

Ю. В. А р у т ю н я н

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭТНОГРАФИИ И СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Активное обсуждение теоретических вопросов имеет значение не только само по себе, т. е. для общего осмысления изучаемых явлений и процессов, но и с практической точки зрения. И сейчас, когда рассматриваются место этнографии в системе общественных наук, ее направления, школы, цели, важно, по-видимому, представить себе, как соотносится этнографическая наука с другими смежными науками, какие функции ей принадлежат, какие задачи должны быть ею выполнены для понимания весьма значимых в нашем мире современных национальных проблем, оценки действительности и перспектив развития национальных процессов. С этой точки зрения представляется, в частности, важным осмыслить членение этнографии на «составные» дисциплины, в их числе — историческую этнографию, этнографию современности и этносоциологию.

По существу перед названными направлениями или дисциплинами стоят органически взаимосвязанные, но все же далеко не однозначные цели. Историческая этнография, органически связанная с этногенезом, занимается, как это отмечается в литературе (Сов. этнография. 1985, № 5. С. 16—24), процессами исторически огромной дистанции и имеет в конечном счете цель отразить формирование и утверждение «живых» в настоящее время этносов. Этнография современности, как это явствует из самого ее названия, отражает реальную действительность, функционирование этносов в наше время, т. е. процессы, которые мы переживаем, свидетелями которых мы непосредственно являемся. Разумеется, этносы нашей действительности, фиксируемые этнографией современности, не могут не иметь прошлого. Историческая дистанция для их понимания необходима, но она в этом случае (в рамках этнографии современности) берется как бы из вторых рук и не является предметом собственного исследования. Это и понятно. И источники, и методы, и ожидаемые результаты, и соответственно границы предмета исследования в исторической этнографии, как и в этнографии современности не однозначны. Ведь этносы не функционируют вне социальной среды, вне социальных отношений. Глубинная трансформация социальных отношений в современном мире органически влияет на развитие этносов и таким образом дифференцирует этнографию историческую и современную, поскольку в этих областях знаний отражаются разные исторические периоды и потому — разные социальные закономерности и по сути разные механизмы развития этносов.

* Здесь и в остальных откликах ссылки на исходную статью даются в тексте.

Одной из очевидных сущностных черт модернизации этнического развития является, в частности, изменение внутренней структуры этнического организма, что не может не наложить отпечатка на историческую этнографию и этнографию современности, не дифференцируя их «предметные» интересы. Так, этнография современности в отличие от исторической, по-видимому, особое внимание должна уделять, например, профессиональной культуре и национальному самосознанию, тогда как в исторической этнографии неизбежно заметнее выражен интерес к материальной культуре и культурно-бытовым традициям прошлого.

Разумеется, все это не означает, что между исторической этнографией и этнографией современности непроходимая стена — здесь нет и не может быть перегородки. Но разные акценты в предметах исследования очевидны. Прошлое, формирование этносов — в поле зрения исторической этнографии. Этнография современности может и должна рассматривать трансформацию населения прошлого в современной жизни, но особый интерес, конечно, концентрируется на том, что нового привносит в жизнь этноса наша действительность, и в связи с этим многое в осмыслении этнических процессов по сравнению с исторической этнографией может меняться по существу. Не случайно в книге «Современные этнические процессы в СССР»¹ уделяется внимание профессиональной культуре, сочетанию национального и интернационального в духовной жизни, механизма и интенсивности двуязычия, сущностным изменениям в социальной среде, динамике социальной структуры советских наций.

Даже при таком, довольно-таки беглом обзоре этнографии современности очевидна ее органическая стыковка с социологией. По существу потребностями осмысления современных этнических процессов и определено рождение этносоциологии как пограничной этнографической и социологической дисциплины.

Функции этносоциологии были правильно поняты еще тогда, когда она делала свои первые «младенческие» шаги (см. Сов. этнография. 1967. № 3). Как и ожидалось, она должна была сыграть двуединую роль — привести этнографию в социологию и социологию в этнографию. С одной стороны, этнография современности органически нуждалась в осмыслении социальной многовариантности, множественности общих этнических процессов, научном анализе соотношения национального и интернационального в разных социальных группах и социальных средах. С другой стороны, отражение этнической неоднородности, этнических факторов в общих социальных процессах, включая даже такие, как изменение социальной структуры народов, их социальной мобильности, сближения города и деревни и других социальных процессов позволили бы лучше оценить и понять роль этнических факторов в нашей социальной жизни, полнее представить национальную многовариантность самых существенных социальных процессов, характерных для нашего общества.

Именно этими целями и было обусловлено появление этносоциологии. Нетрудно заметить, что направленность интересов в этносоциологии сразу же была неоднозначна. Изучение социального в национальном, социальной обусловленности и многомерности этнических процессов — это то, в чем органически нуждалась современная этнография. Такой интерес со всей очевидностью проявлялся в развивающихся сейчас исследованиях современных этнических процессов в Поволжье, в известной мере на Кавказе и в Средней Азии. В этих исследованиях нашли отражение и социальные детерминанты, или «спутники» этнических процессов и их социальная многомерность. Что касается национального (этнического) в социальном, т. е. национальной многовариантности и неоднозначности широких и общих социальных процессов, то их осмысление — жизненная нужда конкретной социологии. В нашей многонациональной стране без учета национальной мозаичности социальных процессов и явлений (национальных факторов) реально невозможно давать исчерпывающие и конструктивные практические рекомендации. Хотя в этносоциологии, та-

¹ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

ким образом, очевидно некоторое различие или, лучше сказать оттенки, конкретных интересов, их разделение на «преимущественно этнографические» и «преимущественно социологические», ценность этой дисциплины в органической взаимосвязанности, системном сочетании (понимании и отражении) этнических и социальных процессов в современном обществе. Такое сочетание двух наук необходимо не только с позиций этнографии, но и с позиций социологии, так как социологическая служба в нашей стране пока мало учитывает этническую многомерность общих социальных процессов, и заполнить этот вакуум — важная задача этносоциологии. Опыт показал, что заинтересованность этнографов в развитии этносоциологической дисциплины, по-видимому, оправдана. Этносоциология сыграла свою роль и в расширении «социального» диапазона этнографических исследований современности — в отражении органических связей этнических и социальных процессов, что позволило по существу полнее вскрывать их взаимодействие.

Сейчас в этнографии современности и этносоциологии больше сходства, чем различий. Если говорить о сходстве, то это прежде всего масштабность и широта в осмыслении национальных процессов. Не будет преувеличением сказать, что в общественных науках так же, как и в естественных и математике, мы переживаем период быстрой дифференциации наук и в то же время интеграции и создания новых субдисциплин на стыке наук. Причем потенциально, может быть, этнография здесь занимает особое место, так как национальные аспекты безусловно «проглядывают» во всех сферах жизни. Наметившиеся отраслевые и межотраслевые научные направления — типа этнодемографии, этнолингвистики, этногеографии — принципиально отличаются от этносоциологии и этнографии современности, потому что и этнография и этносоциология — многоотраслевые, комплексные разноплановые дисциплины. Специфика и различия связаны с тем, что при этом они взаимодействуют с разными такими же широкими смежными дисциплинами — этнография современности — с исторической этнографией, а этносоциология — с общей социологией.

В этой связи и в этнографии современности и в этносоциологии очевидна сразу же такая общая и в то же время специфическая черта, как историзм. Этнографии современности, так же, как и этносоциологии, как это уже подчеркивалось в литературе, необходимы историческая логика и осмысление исторических посылок современных процессов. Но возможно между этими дисциплинами есть пока некоторая разница в масштабах историзма. Для этнографии современности масштабы весьма крупные, чуть ли не стадияльные, формационные. Этносоциология же должна оценить интенсивность «живых», прямо наблюдаемых явлений, практически реализуемых процессов. Отсюда острая необходимость фиксации наблюдаемых явлений в реально зримых «временных пространствах».

Надо сказать однако, что в последнее время и в современной этнографии стала ощущаться потребность «сужения» «временного» диапазона наблюдаемых явлений. В частности, и этнография современности приходит к необходимости повторных (т. е. «панельных») исследований для конкретного отражения интенсивности изучаемых процессов.

Много сходства проявляется между этнографией современности и этносоциологией и в методике исследования. По существу уже сейчас этнография современности приняла и достаточно освоила приемы и методы социологических исследований. Это сказывается на разработке программ исследования, принципах выборки, выделении и точной характеристике сравниваемых этнических групп. Вопреки распространенному представлению о том, что основным методическим средством в этнографии является наблюдение, в этнографии современности, так же как и в этносоциологии основной арсенал конкретных источников формируется преимущественно за счет статистических, массовых документальных материалов и представительного опроса населения. Причем трудно согласиться с встречающимся иногда альтернативным восприятием источни-

ков — «наблюдений» и «опроса» (Сов. этнография. 1987. № 3. С. 57). В социологии существует даже понятие «включенное наблюдение», которое весьма желательно для адекватного представления об изучаемых явлениях. Но социология претендует на точную социальную статистику, а без массовых или экспериментально групповых, строгих и хорошо организованных опросов, в основе которых лежат продуманные программы исследования, достичь этой цели невозможно. Поэтому в этнографии современные, так же как и в этносоциологии обязательны статистические представительные опросы, отражающие изменения социально-этнических черт изучаемых народов. Без этого нельзя судить о направленности, интенсивности наблюдаемых процессов, а по существу невозможно их реально их регулировать.

Учитывая огромную трудоемкость осуществления такого рода программ исследования, понимаешь необходимость особого внимания к ним. Жизненно важна в таких исследованиях высокая требовательность при разработке их программы, выборки, техники опроса и приемов обработки материала. Без соблюдения строгих условий контроля сравнительные исследования вообще не будут реально сравнимыми, но и приведут к искаженной информации и могут причинить не просто научный, но и практический и даже политический ущерб. Представьте себе, например, неточность в оценке динамики межличностных национальных отношений или трудового потенциала национальных регионов. Понятно, что лучше вообще не делать исследований, чем проводить их с риском ошибиться в подобных вопросах. Отсюда особая требовательность к их методике и организации. От методики во многом зависит исход работы и понятно, что здесь нет второстепенных вопросов. Все имеет значение — например, должны ли совпадать национальности интервьюера и респондента, на каком языке публиковать опросные листы и т. д. В этносоциологии накоплен известный опыт, и им можно уже воспользоваться не только для постановки некоторых методических вопросов такого типа (см. Сов. этнография. 1987. № 3. С. 57), но и для их решения².

В заключение хочется особо остановиться на одном из вопросов, способствующих принятию оптимальных решений — междисциплинарной кооперации и координации вообще, а тем более в рамках одного института. Необходимость некоторых организационных шагов, когда речь идет о дифференциации и взаимодействии научных дисциплин, уже сейчас кажется весьма очевидной и реально осуществимой. Бросается, например, в глаза целесообразность изменения структуры специализированных ученых советов Института этнографии АН СССР (о чем нам доводилось говорить и раньше). Зачем, например, делить ученые советы на «докторские» и «кандидатские»? А при большом разнообразии научных интересов в системе дисциплин, с которыми связана этнография, тем более такая дифференциация приобретает формальный характер. Гораздо целесообразнее было выделить ученые советы не по «степеням», а по «научным интересам». При таком подходе следовало бы образовать ученые советы — один по этногенезу и исторической этнографии, а другой — по современной этнографии и этносоциологии. Знакомство с тематикой защищенных за последние годы диссертаций показывает, что эти два ученых совета были бы в одинаковой мере загружены. Разумеется, такие ученые советы могут заниматься не только диссертациями. Для рассмотрения общих вопросов можно устраивать совместные заседания. Междисциплинарная координация, естественно, не будет ограничиваться лишь перестройкой ученых советов. Но это был бы существенный организационный шаг, ориентированный на оживление научной жизни.

² Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Кондратьев В. С., Суколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 79.